

Анатолий Алексин Третий в пятом ряду

1

Я часто слышала, что внуков любят еще сильнее, чем своих собственных детей. Я не верила... Но оказалось, что это так. Наверно, потому, что внуки приходят к нам в ту позднюю пору, когда мы больше всего боимся не смерти и не болезней, а одиночества.

Лиза явилась на свет в такую именно пору: мне было под шестьдесят.

Володя, мой сын, и Клава, его жена, еще раньше оповестили, что идут на столь смелый шаг лишь потому, что рядом есть я. Иначе бы они не решились. А когда Лизу привезли домой, Володя и Клава сказали, что возлагают на меня всю ответственность за ее судьбу. Тем более, что я тридцать пять лет проработала в школе.

— Ни один из нас не попадал во власть педагога в таком раннем возрасте! — сказал мне Володя.

Клава присоединилась к мнению мужа.

Когда же Лизе исполнился год, Володя и Клава уехали на раскопки: где-то обнаружился очередной древний курган. Их профессией было не будущее, а далекое прошлое — оба они занимались археологией. И поэтому тоже казалось логичным, что Лизой должна заниматься я.

Я понимала, что моя внучка обязана заговорить раньше всех своих сверстников, что она должна научиться читать раньше всех остальных детей и раньше других проявить понимание окружающего ее мира... Ибо сын намекнул, что на пенсию могла уйти я сама, но не мой педагогический опыт.

Клава присоединилась к мнению мужа.

Они были убеждены, что весь этот опыт, огромный, тридцатипятилетний, должен был обрушиться на бедную Лизу — и принести поразительные результаты.

Но мой опыт столкнулся с ее характером...

Что характер у внучки есть, я поняла сразу: она почти никогда не плакала. Даже если ей было больно и мокро. Не подавала сигналов! И от этого возникало много дополнительных трудностей.

Когда внучке исполнилось три с половиной года, я объяснила ей, что Лиза — это не полное имя, а полное звучит торжественно и парадно:

Елизавета. С тех пор на имя Лиза она реагировать перестала. Не откликалась — и все. Я стала убеждать внучку, что называть ее, маленькую, длинным именем Елизавета неестественно, что люди будут смеяться.

— И пусть, — сказала она.

Тогда я ей объяснила, что такое имя без отчества произносить просто нельзя, потому что без отчества им называли царицу. С тех пор Лиза приобрела царственную осанку. А я стала сообщать родителям, звонившим откуда-то, где были усыпальницы и курганы: «Елизавета спит... Елизавета сидит на горшке...»

Внучка одержала первую в жизни победу.

В моей комнате, над столом, висели фотографии классов, в которых я преподавала литературу и русский язык. Или была к тому же еще и

классной руководителем. На фотографиях первые ряды полулежали, вторые сидели, а третьи и четвертые обычно стояли. У лежавших, у сидевших и у стоявших выражение лиц было не детское, напряженное. Может быть, из-за присутствия учителей, которые всегда располагались в центре второго ряда.

Елизавета любила водить пальцем по фотографиям и спрашивать: «Это кто? А это кто?..»

Поскольку главное свойство склероза — помнить все, что было очень давно, и забывать то, что было недавно, я сразу называла имена и фамилии своих бывших учеников.

Только на одной фотографии рядов было пять... Рыжий парень, который на черно-белом снимке выглядел просто светловолосым, в отличие от других, улыбался. Он был третьим слева в том самом пятом ряду.

Я уже давно объяснила внучке, что это Ваня Белов, а рядом с ним стоит ее папа. Ваня поспорил в тот день, что сможет удержаться на стуле, который будет поставлен на другой стул. Так образовался дополнительный ряд, которого не было больше ни на одном снимке.

Папа Елизаветы последовал за приятелем, хотя еле удерживался на этом сооружении. Ему было особенно трудно оттого, что он с рождения прихрамывал на правую ногу. И еще чуть не падал со стула Сеня Голубкин, который всегда мечтал стоять выше других.

А Ваня Белов улыбался. Это был мой злой гений. Я рассказывала о его проделках Елизавете, чтобы она никогда ничего подобного в жизни не совершала.

Однажды Ваня Белов на глазах у всей улицы прошел по карнизу третьего этажа и, появившись в окне нашего класса, сказал: «Разрешите войти?»

— Как такое могло случиться? — в тот же день спросил у меня директор.

— Ваня Белов... — ответила я.

В другой раз он объявил голодовку... Ему показалось, что я несправедливо поставила двойку одному из учеников. Ваня подошел на перемене ко мне и тихо сказал:

— Вы, Вера Матвеевна, не задавали нам то, о чем спрашивали.

— Но и того, что я задавала, он тоже не знал... как следует.

— Как следует? Может быть... Но ведь за это не ставят двойку.

— Она уже в классном журнале!

— Но ее можно исправить.

— Нельзя!

— Вы должны это сделать.

— Никогда...

— Простите меня, Вера Матвеевна, но я буду протестовать.

— Каким образом?

— Объявлю голодовку!

Я улыбнулась и махнула рукой.

Но в буфет он в тот день не ходил. Я проверила: не ходил. На следующий день тоже...

— Голодаешь? — спросила я его с нарочитой небрежностью.

— Голодаю, — ответил он.

— И долго еще... собираешься?

— Пока не исправите двойку... — Потом он огляделся и тихо добавил: — Вы не бойтесь: другие об этом не знают. А то придется закрыть школьный буфет!

Вечером я пошла к родителям Вани.

Беловы жили рядом со школой, через дорогу.

Самого Вани, к счастью, дома не оказалось. Его родители, милые, застенчивые люди, очень встревожились. В них не было ни Ваниной решительности, ни его озорства.

— Что-то случилось? — спросила мать, как бы придерживая сердце рукой.

— Что он... там?

— Не беспокойтесь.

— Как же не беспокоиться? Для него живем...

Самое уютное место в комнате было отведено столу, на котором лежали Ванин портфель (я его сразу узнала!), тетради и книжки. Над столом висело расписание школьных уроков. И та самая фотография, где он был третьим в пятом ряду.

— Не беспокойтесь, — сказала я. — Он учится хорошо. Выдвинут на математическую олимпиаду!

— Слава богу! — сказала мать.

Тут я отважилась и спросила:

— Скажите, он... ест?

— Перестал... — со страхом ответила Ванина мама. — Только пьет воду... Даже хлеба в рот не берет. Я спросила: «Может, что с животом?» А он говорит: «Нет аппетита!» Уже второй день нету...

«А ведь так он выжмет из меня все, что захочет!» — подумала я. И на следующий день в присутствии Вани исправила тому ученику двойку на тройку.

— Почему? — спросила Елизавета, когда я пересказала ей, уже шестилетней, тот давний случай. — Ты боялась, что Ваня умрет?

— Исправила тому ученику двойку на тройку, — повторила я.

Я только не сказала Елизавете, что тем учеником был ее папа.

2

Да, Володя учился у меня в классе. Так получилось... Уговаривая меня стать классной руководительницей именно в 6-м "В", директор сказал:

— Не отказывайтесь! Это предрассудки. Кто усомнится в вашей объективности?

Я согласилась. И потом три года подряд доказывала ту самую объективность, которую, по словам директора, никто не мог взять под сомнение. Как-то незаметно это превратилось в одну из моих главных педагогических задач. Я очень старалась... Все должны были видеть, что я строга, бескомпромиссна и требовательна к своему сыну. Как Володя выдержал это, я теперь понять не могу.

Ни в одной педагогической книге не сказано, что должен делать учитель, если прямо под носом, на первой парте возле окна, сидит его сын.

Володя сидел на первой парте потому, что любил сидеть на последней.

На примере именно его сочинений я объясняла всему классу, какие грамматические и смысловые ошибки являются наиболее характерными. У доски я держала его очень долго и называла Кудрявцевым, хотя других ребят звала просто по имени. Получалось, что я все же выделяла его. В отрицательном смысле...

Володя вынужден был отвечать по литературе только блестяще. Но однажды, почувствовав, что он плавает, я задала сыну коварный вопрос о том, чего в школе не проходили. Володя умолк. А я громко сообщила ему или, вернее сказать, всему классу:

— Двойка, Кудрявцев!..

Тогда-то Ваня Белов и объявил голодовку.

— Всегда помни, что ты мой сын! — внушала я Володе. — Пойми меня правильно...

Он помнил, понимал — и не обижался. Но Ваня Белов понимать не хотел! Он вторгался в мой план взаимоотношений с сыном-учеником. И все разрушал!

Я объясняла Володе, что он должен интересоваться не только историей и древними глиняными черепками. Я внушала, что он не имеет права пользоваться подсказками или шпаргалками на контрольных по математике.

А Ваня Белов доказывал сыну, что математика ему никогда в жизни не пригодится, — и продолжал делиться с ним на контрольных своими математическими способностями.

Я убеждала Володю в том, что точные науки — это необходимая каждому гимнастика ума. Ваня же потом разъяснял, что гимнастикой нормальные люди занимаются не более двадцати минут в день. А тут — уроки, экзамены.

Какая же это гимнастика?

Я знала, что за моими взаимоотношениями с сыном следит, кроме Вани, еще один человек. Это был Сеня Голубкин.

Есть люди, которые, увидев на вас новое платье, не поздравят с обновкой, а скажут: «Все наряжаетесь... Все наряжаетесь!» Узнав, что вы вернулись из отпуска, они покачают головой: «Все отдыхаете... Все отдыхаете!» А заметив, что вы хорошо выглядите, вздохнут: «Все расцветаете!..» Наблюдая за Сеней Голубкиным, я вспоминала таких людей.

Он болезненно переживал чужие успехи. Ему всюду чудились выгоды и привилегии, которыми обладают другие. Если кто-то заболел, Сенька говорил: «Ясно... Решил отдохнуть!» Если кто-то получал пятерку за домашнее сочинение, он спрашивал: «Что? Мамочка с папочкой потрудились?»

Четко сформулировать какую-нибудь мысль было для Сеньки ужасной мукой. И за эти свои мучения он ненавидел литературу, а заодно и меня. Голубкина ребята прозвали Вороном: он словно кружил над классом, ко всем приглядываясь и всех в чем-то подозревая. Меня он подозревал в любви к сыну.

Когда Володя, прихрамывая на правую ногу, направлялся к доске,

Голубкин провожал его недоверчивым взглядом: а уж не притворяется ли он?

Не выхлопатывает ли себе какие-то привилегии?

Трудно было отыскать людей, более не похожих друг на друга, чем Ваня и Сенька. Но оба они осложняли мое и без того нелегкое положение.

Наставляя свой класс на путь добродетели, я видела в Сенькиных глазах страстное желание, чтобы Володя с этого пути соскользнул. Тогда бы Сенька мог произнести фразу, которую уже давно носил за пазухой: «Сначала бы сына своего воспитали!..»

Я и сама больше всего боялась, чтоб какой-нибудь Володин поступок не вступил в противоречие с моими проповедями и наставлениями. Но это все же произошло...

На 8-й "В" надвигалась контрольная по математике. Решить сложную геометрическую задачу было для моего Володи почти тем же самым, что для

Сени Голубкина понять разницу между повестью и романом.

Собираясь в то утро в школу, Володя мечтал, чтоб с математичкой что-нибудь приключилось. Я, конечно, сказала ему, что мечтать об этом бесчеловечно.

— Ну, пусть застрянет где-нибудь минут на пятнадцать. Мало ли в городе происшествий! А потом уж поздно будет писать...

— Но ты ведь учил?

— Мне это не помогает!

Математичка была одной из немногих учительниц нашей школы, которые придавали значение своей внешности. Дождавшись, пока все остальные покинут учительскую, она торопливо прихорашивалась у зеркала, устраивая последний, придирчивый смотр своему лицу и прическе. Лишь убедившись, что все в порядке, она спешила на свидание к старшекласникам.

В то утро она тоже терпеливо дождалась, пока со стола в учительской исчез последний классный журнал. Подошла к зеркалу...

И тут ее заперли. Повернули ключ со стороны коридора — и мечта Володи осуществилась: математичка застряла.

Лишь минут через двадцать нянечка, которая пришла убирать коридор, услышала легкий стук: математичка не любила поднимать шума.

Контрольная была сорвана.

Я поняла, что пробил час Сеньки Голубкина!

Математичка не захотела присутствовать при разборе этого «дела». Она была хорошенькой и не нуждалась в защите. Кроме того, она могла бы позволить себе попасть в страшную ситуацию, но не в смешную. А тут ей грозил смех.

— Я попрошу Кудрявцева объяснить, как он на это решился! — сказала я, глядя на Сенью Голубкина.

В его глазах не было торжества — в них было смятение: если я сама обвиняю сына, то в чем же ему тогда обвинять меня?

Но вдруг с задней парты раздался голос Вани Белова:

— А при чем здесь Володя Кудрявцев? Это я ее запер.

— Ты... боялся контрольной по математике? — изумленно спросила я.

— Чувство коллективизма! — ответил Ваня Белов. И сел.
В глазах Сени Голубкина возникли разочарование и тоска.
— Ты, Ваня, должен будешь извиниться... перед Ириной Григорьевной, — растерянно произнесла я.
— А я, когда запирал, крикнул ей: «Извините, пожалуйста!»
— Она не услышала. И потом... мне сейчас не до шуток!
— Мне тоже, — сказал Ваня Белов.
— Извинись... Поскорее! С глазу на глаз... — Математичка не любила быть действующим лицом в подобных спектаклях. — Стыдно должно быть и тем, ради кого Белов это сделал! — сказала я, опять глядя на Сеню

Голубкина.

Меня вызвал директор школы:

— Что, опять Ваня Белов?
— Опять. Но с другой стороны...
— Пора принимать меры!
— Пора, — ответила я.

И, дождавшись конца учебного года, перебралась вместе с Володей в другую школу. Она была дальше от нашего дома... Но зато дальше и от Вани Белова!

А уже потом, через год, мы вообще уехали на другой конец города. Так получилось.

3

Мне раньше казалось, что «прекрасная половина» человечества, к которой некогда принадлежала и я, не очень богата чувством юмора. Но моя внучка Елизавета постоянно опровергала эту точку зрения.

Она то и дело просила меня вспоминать о давних проделках Вани Белова, которые и спустя много лет поражали мое педагогическое воображение.

Елизавета же, слыша о них, падала на диван: хохот валил ее с ног.

У кого-то из взрослых она подхватила панибратское восклицание «Слушай-ка!..» и с него начинала почти каждую фразу.

— Слушай-ка! — говорила она, заранее валясь на диван. — Так прямо и появился в окне? Так прямо и сказал: «Разрешите войти?»

— Так прямо... Но он не подумал о том, что было бы, если б он упал с третьего этажа! Он вообще редко задумывался.

— Как же не задумывался? Если придумал появиться в окне!

В свои шесть лет Елизавета мыслила очень логично.

— Он не помнил о тех, кто за него отвечал, — пояснила я. — Он помнил лишь о себе. И о своих выдумках. Только об одном, самом главном, как мне казалось, проступке Вани я не рассказала Елизавете. Как не рассказывала о нем никому...

Малыши требуют, чтобы им по многу раз перечитывали любимые книжки, пересказывали любимые сказки. Елизавета же могла без конца слушать о проделках Вани Белова.

Как-то однажды, когда у нас за столом собрались гости и Володя поднялся для первого тоста, дверь старинного шкафа медленно распахнулась, из его глубины, окруженная платьями и запахом

нафталина, возникла Елизавета. Она оглядела притихших гостей и сказала:

— Разрешите войти?

Я добилась своего: она влюбилась в Ваню Белова!

Хотя можно было предположить, что она познакомилась с Ваней еще до своего рождения. В самом деле... Елизавета появилась на свет двумя неделями раньше, чем ее ожидали. Появилась в день рождения своего папы — и Володины приятели, словно сговорившись, однообразно шутили: «Вот если бы все жены преподносили своим мужьям такие подарки!», «Два дня рождения в один день — это прекрасно! С точки зрения экономии...».

Головка у новорожденной была покрыта темными волосами, что очень обрадовало меня.

— Наша фамильная масть! — воскликнула я. — Девочка будет с черной косой.

В ответ она, подождав полгодика, посветлела.

У ее организма было странное и очень опасное свойство: он отвергал лекарства.

— Аллергия, — сообщил нам доктор, когда Елизавета покрылась сыпью из-за одной таблетки аспирина. — Могло быть и хуже... Отек, например. Могли распухнуть глаза, лицо.

Все люди от лекарств излечивались, а Елизавета заболела!

У нее было так много ярких индивидуальных качеств, что мы с Володей и

Клавой решили притушить их с помощью коллектива. И хотя ее родители по-прежнему уповали на мой педагогический опыт, Елизавету отправили в детский сад.

В первое время воспитатели и подружки не признавали ее полного имени.

Но заведующая детским садом, которую, напротив, как девочку, звали Аленой, сказала, что такое длинное имя ко многому обязывает, вызывает чувство ответственности. И Елизавета осталась на троне.

Однажды, вернувшись из детского сада, она отказалась ужинать.

Я спросила ее:

— Ты сыта?

— Я не обедала, — сказала она.

— А как твой живот? — с тревогой осведомилась я. Ей нельзя было болеть: она не выносила лекарств.

— Я здорова... Но я голодаю!

— Ты?!

— И еще одна девочка.

— Объявили голодовку?

— Сегодня утром.

Я поняла: Ваня Белов через нашу семью добрался до их детского сада.

— Но по какой же причине вы... решили не есть?

— От нас уходит Алена.

Я всегда любила красивых женщин. Они нравились мне, как нравятся талантливые произведения искусства. Но заведующая детсадом не была

произведением, созданным раз и навсегда. Ни на миг не расставаясь со своей удивительной мягкостью и женственностью, она все же менялась в зависимости от ситуаций. На детей она никогда не сердилась: любить их было ее призванием. А родителей нередко отчитывала. Но делала это так нежно и обаятельно, что ей подчинялись. Особенно же отцы... Они вообще стали проявлять большой интерес к проблемам дошкольного воспитания. А дома боролись за право отводить своих детей по утрам в детский сад и вечером приводить их обратно. Над Аленой стали сгущаться тучи...

Кто-то из мамаш вспомнил, что в детский сад она попала «случайно». Ее пригласили на должность заведующей после елочного праздника в Доме культуры. В тот день заболел Дед Мороз. Студентка-заочница Алена, исполнявшая роль массовички, так взволнованно рассказала ребятам о бедном Дезде, которого сразил радикулит, что многие плакали.

— Они должны уметь плакать... — говорила Алена. — Не только тогда, когда расшибают коленку. Но и когда коленка болит у кого-то другого.

По предложению Алены ребята сочинили Деду Морозу письмо. А потом она их всех развлекала.

На Алену обратила внимание председатель месткома научно-исследовательского института, в котором работали Володя и Клава. Это была сутулая женщина в старомодном пенсне, знавшая наизусть все новые песни и игравшая по первому разряду в шахматы. Она-то и пригласила Алену в детсад.

А потом оказалось, что председатель месткома умеет сражаться не только за шахматной доской, но и на собрании в детском саду.

Мамаши отчаянно наступали.

— Она массовичка! — сообщила одна.

— А жизнь детей — не елочный праздник. Их надо воспитывать! — подхватила другая.

Отцы хотели бы защитить Алену. Но не решались... Боялись испортить все дело.

Только две женщины, которым было за шестьдесят, бросились в бой: председатель месткома и я.

— Спросите у своих дочерей!.. — воскликнула я. — Хотят ли они расстаться с Аленой?

— Что они понимают?!

— Ну не скажите! — поправив пенсне, заявила председатель месткома. —

Я помню себя ребенком... Я тогда разбиралась в людях непосредственней, чем сейчас. Обмануть меня было трудно!

Затем опять поднялась я:

— Поверьте моему опыту: я тридцать пять лет проработала в школе.

— Вас бы вот и назначить!

— Нет, школьный учитель и воспитатель детского сада — это разные дарования.

— Дарования?

— Как в литературе... Поэт и прозаик! Оба писатели, но жанры-то разные.

— Она все умеет!.. — поддержала председатель месткома. — Танцует, читает стихи, поет... А как они у нее едят!

Тут снова поднялась я:

— А теперь моя внучка второй день не ест. Аппетит потеряла.

— Если б только она!.. — съехидничал женский голос.

— Да, дети любят красивых учителей, воспитателей! — вскочила со своего места председатель месткома. — Это развивает в них чувство прекрасного.

— Если бы только дети!.. — повторил тот же голос.

Я опять поднялась и с отчаянностью Вани Белова сказала:

— Да не бойтесь же вы ее!

— Вам хорошо рассуждать, — сказала мне одна мамаша по дороге домой. —

Ваш сын со своей женой где-то далеко раскапывает курганы...

Алена осталась в детском саду.

Через два дня она неожиданно позвонила мне днем и сказала:

— Не волнуйтесь, Вера Матвеевна... Но немедленно приезжайте!

— Что случилось?

— Нашего врача вызвали на конференцию. А у Елизаветы поднялась температура. Я дала ей лекарство... Я должна была знать! Должна была... Зря вы меня защищали, Вера Матвеевна! Я вызвала «неотложку». Не волнуйтесь. Простите меня! Не волнуйтесь...

4

В жизни каждого человека бывают дни и часы, когда все вчерашние беды начинают казаться ничтожными.

Внучку сразу отправили в больницу. Я поехала с ней. Машина торопилась, мчалась на красный свет.

Больница была неподалеку от школы, где когда-то учился Володя, а я преподавала литературу и русский язык. Мы давно, еще до войны, уехали из того района на другой конец города. Но жизнь в тяжкий момент как бы вернула меня туда.

«Почему? — думала я. — Какое странное совпадение... Мало разве больниц в городе!» Совпадения... Они в жизни на каждом шагу. Но мы-то запоминаем лишь те, которые врезаются в память радостью или несчастьем.

На уроках литературы ребята часто удивлялись тому, что раненые Андрей

Болконский и Анатолий Курагин оказались на соседних операционных столах.

Я объясняла, что жизнь нередко дарит нам совпадения и сюрпризы, каких и самая буйная фантазия не сможет вообразить. В доказательство я даже приводила примеры из своей собственной жизни.

«И вот опять совпадение! — думала я. — И опять операционный стол...»

Женщины и мужчины в белых халатах, все уже повидавшие, волновались и торопились. Я чувствовала, что они боятся не успеть, опоздать.

«Сразу на стол! — слышала я. — Отек горла... Сразу на стол!»

Но дороге в больницу Елизавета не плакала, не кричала. Она дышала с трудом.

Сколько раз я мечтала, чтобы все ее болезни достались мне! Но каждому достается свое...

Алена хотела, чтоб дети умели плакать... Не от своей боли, а от чужой! Конечно... В человеке должно жить сострадание, а страдание ему ни к чему. Особенно в самом начале жизни, когда и радостей-то еще было немного.

«Не испытаешь сам — не поймешь!» — как-то услышала я. Но была не согласна. Чтобы сочувствовать чужим бедам, не обязательно иметь опыт собственных горестей. «Пусть у моей внучки его никогда не будет!» — думала я.

А уберечь не смогла.

Меня пропустили на третий этаж, где была операционная. Туда увезли мою внучку... Никому до меня не было дела. На круглых часах над дверью операционной было семь минут третьего.

За столиком в коридоре сидела дежурная сестра. Совсем молодая. С модной прической, в серьгах. Как будто с моей внучкой ничего не случилось!

Она первой заметила меня и спросила:

— Вы к кому?

— Я с внучкой...

Она взглянула на меня жалостливо. И сказала:

— Вам повезло... Сегодня дежурит Белов. Он вообще-то заведует отделением. А сегодня дежурит. У нас все хирурги хорошие, но Иван Сергеевич...

— Ваня Белов?

— Вы его знаете?

В этот момент из операционной показался молодой человек в белом халате. Марлевая повязка была спущена на черную бороду. Он крикнул:

— Маша! Скорее... Скорее!

Она вскочила и побежала. Длинные серьги прыгали по щекам.

«Его отца звали Сергеем! Конечно... Сергеем! Я помню...»

Маша выбежала из операционной. И, подскочив к телефону, стала набирать какие-то три цифры.

— Что? Что там?... — спросила я.

— Пусть Анна Ивановна придет в операционную! — крикнула в трубку Маша. — Только сейчас же!

— А Белов уже там? Белов... там? — спрашивала я.

— Он там... Я вам налью валерьянки.

— Сколько ему лет?

— Я думаю, тридцать пять.

Она протянула мензурку.

— И живет недалеко? Да?

— Совсем близко. Выпейте...

— Ну да... Через дорогу от моей бывшей школы.

— Ходит домой обедать. Значит, вы его знаете?

— Знаю...

В опасные и даже безнадежные минуты человек ищет надежду. Судьба внучки соединилась вдруг в моем сознании с образом Вани Белова. В этом союзе я хотела увидеть спасение... И увидела.

«Какое счастье, что именно он...» — думала я, не понимая еще, почему я так думаю.

В конце коридора показалась женщина. Полная, немолодая. Она бежала. — Это Анна Ивановна, — с облегчением прошептала Маша. — Он просил ее... Слава богу! — Она вынула зеркальце. — На кого я похожа! — И попудрилась.

На круглых часах было семь минут третьего.

Ваня... Ваня Белов... Почему мне тогда нужен был именно он? Которого раньше я опасалась, с которым насильно разлучила Володю... Я совершила тот давний побег в другую школу, чтобы спастись от Ваниной отчаянности и отваги. От тех его качеств, на которые теперь была вся надежда.

С высоты своего несчастья я вдруг разглядела Ванины поступки в истинном свете. Я помнила их все... И тот главный его проступок, о котором не могла рассказать внучке.

— Слушай-ка! Почему у меня две бабушки, а дедушка только один? — как-то спросила она.

— Второго не было... никогда, — растерявшись, ответила я.

Она задумчиво побродила по дому и опять обратилась ко мне:

— Слушай-ка! А откуда тогда появился мой папа?

На самом деле дедушка у нее был. Как у меня когда-то был муж, а у Володи отец. Его звали Геннадием. Геной... По профессии он был зоотехником. Потом учился в педагогическом институте, где мы с ним и познакомились.

Его профессиональные заботы я нарекла «четвероногими увлечениями». Он жил ими с детства. Без конца о них думал и говорил. Я не требовала, чтобы из двух своих loves он выбрал одну. Но всячески подчеркивала величие и красоту своего назначения в сравнении с приземленностью и будничностью его дел. С помощью литературы, которая призвана возвышать, я как бы постоянно унижала его. Хотя и не отдавала себе в этом отчета.

Считать главой своего дома преподавателя зоологии казалось мне несолидным. И главой стала я.

Мне хотелось, чтобы Геннадий занимался в жизни одним, а увлекался чем-то другим. Он подчинился... И тогда угасло то главное, что озаряло его. Мне стало скучно. Я поняла, что свет все-таки был, лишь тогда, когда он угас.

Я еще не знала в ту пору, что на благородных фанатиках, чем бы они ни занимались, держится мир. И что лишить таких людей фанатизма — все равно что плеснуть водой на костер...

Когда Володе исполнилось полтора года, мы с Геннадием разошлись. Он уехал за тридевять земель, на Дальний Восток. Я попросила его на прощанье не напоминать о себе, чтоб не тревожить сына. Он и тут подчинился.

А через тринадцать лет я узнала, что, начав работать в зверосовхозе, он сделался крупным ученым. «Четвероногие увлечения» твердо поставили его на обе ноги: он стал доктором наук, директором института.

«Какое для Геннадия счастье, что я ушла от него!» — этой мыслью я, наверно, хотела угодить своей совести, избавиться от угрызений.

Но лишить Володю такого отца я не могла!

Узнав однажды, что Геннадий приехал в Москву на научную конференцию, я организовала его встречу с сыном.

Ваня Белов не часто приходил к нам домой. Но тут конечно же получилось так, что Ваня зашел. И, как пишут, «принял участие в переговорах».

Я вернулась домой поздно, когда встреча закончилась. Геннадий и Ваня ушли.

Лицо у Володи было растерянное и виноватое. Примерно такое, какое бывает у верного, любящего супруга, который увидел другую прекрасную женщину и не смог не признать ее высоких достоинств.

Оказалось, что Геннадий бывает в Москве очень редко, что вся жизнь его связана с дальним краем, который он полюбил. Но они твердо договорились, что Володя в дни зимних каникул слетает к отцу. А потом и во время летних.

Я одобрила этот план. Но Володя к отцу не поехал... Его отговорил Ваня Белов. Хотя они и не так уж дружили, Ваня имел на моего сына магическое влияние. И в этом я видела большую опасность!

— Зачем же ты это сделал? — спросила я Ваню. — Отец его ждет.

— Уж очень он умный! — угрюмо ответил Ваня.

— Так это ведь хорошо.

— Как сказать... Пусть сам приезжает. Если захочет...

Я считала, что Ваня совершил преступление. Уговаривала Володю. Он не отказывался. Но всякий раз, когда наступали каникулы, находилась причина, которая удерживала его возле меня.

«Уж очень он умный!» — сказал тогда Ваня.

Прошло больше двадцати лет... И я неожиданно поняла, что он сделал это ради меня. Он не хотел, чтоб я делила сына с тем, кто мог покорить его сердце, а когда-нибудь потом... и увести от меня.

По крайней мере он хотел, чтобы встречи Володи с отцом происходили не вдали от меня и от нашего дома.

— Скажите... у него на лице веснушки? — спросила я сестру Машу.

— На днях только он сказал: «Посмотрите на мое лицо — и вам станет ясно: весна наступила!»

— Нельзя ли у вас попросить еще... валерьянки?

— Я налью... Но вы сядьте, пожалуйста. А то ходите, ходите по коридору...

На круглых часах было семь минут третьего.

Из операционной выскочил тот же молодой человек. Марлевая повязка опять съехала на черную бороду.

— Маша! Всю бригаду... Всю бригаду! — крикнул он. И сразу же скрылся.

— Какую бригаду? — спросила я.

Маша стала набирать номер.

— Какую бригаду?

Она хлопнула трубкой по рычагу:

— Занято. Нашли когда разговаривать!

— Какую бригаду?..

Она заспешила вдоль коридора. На высоких каблуках ей было трудно.

Она сбросила туфли и побежала прямо так... в чулках.

Потом с той стороны, куда она убежала, показались трое мужчин — все в халатах и белых шапочках. Они обогнали Машу и тоже скрылись за дверью операционной.

Маша остановилась, подобрала туфли. Подошла к своему столику. И только тогда их надела.

— Какая бригада? — спросила я.

— Просто так... Не волнуйтесь. Студенты-практиканты у нас. Операция редкая. Он хочет им показать. Все будет нормально. Раз там Иван Сергеевич...

Она вынула зеркальце.

— Я понимаю. Раз Ваня Белов...

Мне необходимо было все время вспоминать о нем что-то хорошее. В этом были надежда, спасение... И я вспоминала.

Однажды, когда Володя и Ваня учились еще в шестом классе, был назначен «районный» диктант. Решили очередной раз проверить, насколько грамотны в нашем районе двенадцатилетние. Диктант был изощренно трудным.

И так как абсолютно грамотных людей на свете не существует, даже я вряд ли написала бы его без единой ошибки.

Что же тогда говорить о Сене Голубкине! Он был в панике: двойка за тот диктант грозила ему второгодничеством.

В ту пору Ваня еще не проник в глухие тайны голубкинской психологии и очень ему сочувствовал. Когда Сеня, путаясь и напрягаясь, блуждал по лабиринтам знаменитых четверостиший, известных всем с малолетства, Ваня страдал. Я видела это... И если мне удавалось не замечать его подсказок, я их не замечала.

А после урока, в коридоре, верзила Голубкин теснил невысокого Ваню: тот, оказывается, подсказывал недостаточно четко и ясно: «Сам-то небось вы-уучил! Сам-то все-е знаешь!..»

За этим я тоже тайком наблюдала.

После диктанта Сенька бегал по коридору и выпрашивал у своих одноклассников:

— Как пишется «в течение»? Вместе или отдельно?

— Отдельно, — отвечали ему.

— Одна ошибочка есть! — говорил он. И загибал палец. — А ты сам-то как написал? Правильно?

Если оказывалось, что правильно, Сенька скулил:

— Ну, коне-ечно... Сам написа-ал!

Чужие успехи его убивали. Ему казалось, что любые удачи приходят к людям как бы за его, Сенькин, счет. Зависть, в которой я всегда видела

исток многих человеческих слабостей и пороков, не оставляла Сеньку в покое.

— Та-ак... Еще одна ошибочка! — восклицал он и загибал следующий палец с таким видом, будто все кругом были виноваты и в этой его ошибке.

Володя никогда не раскрывал мне секреты приятелей, но эти сцены он демонстрировал в лицах. И мне казалось, что я наблюдаю их своими глазами,

После «районного» диктанта у Сеньки не хватило пальцев на обеих руках. Он насчитал двенадцать ошибок. Кроме запятых и тире...

На перемене ко мне подошел Ваня Белов и спросил:

— Что ж, Вера Матвеевна, Голубкину теперь на второй год оставаться?

— Не знаю. Еще не проверила.

У меня в тот день было, помнится, всего два урока. Когда я уселась в учительской за тетради, оказалось, что шесть работ из пачки исчезли.

Среди них были диктанты Сени Голубкина, Володи и Вани.

На большой перемене мы с директором в опустевшем классе стали пробиваться к голубкинской совести. Путь оказался непроходимым...

Именно тогда, в разгар нашей беседы, в окне появился Ваня Белов и сказал:

— Разрешите войти?

Мы онемели. А Ваня оглянулся, смерил расстояние от третьего этажа до тротуара, и, повернувшись к нам, спокойно сказал:

— Я явился, чтобы отдать себя в руки правосудия!

Нет, я не верила, что диктанты вытащил он. Даже если б это и пришло ему в голову, он бы ни за что не прикоснулся к тетради моего сына.

Потому что это был сын учительницы... А Сенька именно по этой причине и вытащил Володин диктант!

Но доказать это я не могла.

Директор тогда еще не начал счет проделкам Вани Белова. Он согласился с моей версией, подчеркнув, однако, что рыцарство тоже должно знать пределы... Но что не стоит превращать школьный класс в комнату следователя.

Для очистки совести я все же сказала Ване:

— Не верю, что ты способен на подобную дерзость!

— А пройти по карнизу третьего этажа — это не дерзость?

Мне стало ясно, зачем он появился в окне: мы должны были поверить, что он способен на все!

Тут же, после уроков, я передиктовала диктант тем шестерым, работы которых исчезли. Сеня Голубкин получил тройку, поскольку уже успел обнаружить на перемене свои ошибки. И перешел в седьмой класс.

Он не проникся благодарностью к Ване Белову. Напротив, именно с тех пор Сенька его невзлюбил. Он не простил благородства, как не прощал грамотности тем, кто ему же помогал находить ошибки.

Ваня Белов это понял.

После того как Сенька очередной раз насолил в чем-то своему спасителю, я как бы мимоходом сказала Ване:

— Ну, что... ни одно доброе дело не остается безнаказанным?

Мне не хотелось, чтоб он считал меня уж слишком наивной и думал, что я поверила его признанию, произнесенному с подоконника.

Ваня съезжился. Но не оттого, что я его уличила. А из-за моей фразы о наказуемости добра.

— Мало ли что бывает! — сказал он. — Из-за этого всем не верить?

Теперь, когда мне нужно было верить в Ваню Белова, я вспомнила тот разговор.

Но почему же я раньше не придавала ему никакого значения?..

Чтобы направить энергию Вани Белова в нужное русло, я, помнится, в седьмом классе назначила его редактором стенгазеты. Для начала Ваня завел на ее столбцах анкету: «Что о нас думают наши учителя?»

Я написала, что люблю их всех (всех сорока трех!). что поэтому бываю недовольна ими, строга и что желаю им всем счастья.

Следующая анкета называлась иначе: «Что мы думаем о наших учителях?»

В этом номере Ваня спорил со мной: "Нельзя, я думаю любить всех на свете людей. А мы — те же люди. Я бы, например, не смог полюбить Сеньку

Голубкина!"

Так прямо и написал. Не побоялся Сеньку. А я то и дело оглядывалась на Голубкина...

— Сколько лет вашей внучке? — спросила меня сестра Маша.

— Шесть с половиной.

— Осенью должна была пойти в школу?

"Почему должна была? Она пойдет в школу... — говорила я себе. — Ваня Белов спасет ее! Теперь, когда я до конца поняла его... Когда до конца поверила... Он не может ее не спасти!"

На круглых часах было семь минут третьего.

«Он помнил лишь о себе. И о своих выдумках...» — сказала я как-то внучке.

Это была неправда. Он думал о других гораздо больше, чем другие о нем.

Но для Вани это было не важно: совершая свои «спасательные экспедиции», он никому ни за что не платил и ничего не желал взамен.

Сейчас он думал о моей внучке. И спасал ее.

«Безумству храбрых поем мы песню!» — как бы в шутку цитировал он. Но никогда не совершал безумств ради себя. Почему лишь в больнице я поняла это?

Неужели непременно должна случиться трагедия, чтобы мы поняли, кто может нас от нее спасти?

На виду у большой беды мне хотелось исповедаться перед собой и найти искупление.

Я помнила слова мудрейшего Монтеня, сказавшего о своих глазах: «Нет на свете другой пары глаз, которая следила бы за мной так же пристально».

Мои глаза тоже были в тот день очень пристальны... и недовольны мною.

Когда выяснилось, что Геннадий, мой бывший муж, стал доктором наук, крупным ученым, я решила, что он прежде скрывал от меня свои способности. На самом же деле это я скрывала его способности и его характер от него самого. Я хотела, чтобы компасом для Геннадия были лишь мои взгляды, мои убеждения.

Но жизненный компас, верный для одного, может сбить с дороги другого... Мне хотелось, чтобы мой муж смотрел на мир моими глазами и жил моими призваниями. С теми, кто любит, так поступать опасно: они могут подчиниться — и навсегда потерять себя.

Иногда я так поступала и с сыном: выбирала ему друзей, разлучила с Ваней Беловым... Он любил меня — и тоже мне подчинялся. А потом, должно быть намаявшись со мной, женился на Клавде, которая всегда к нему

«присоединялась».

Чтобы поверить в себя, человек порой нуждается в преклонении... Когда сын, еще школьником, возился с грязными черепками и в каждой рухляди видел признаки «древней культуры», многие смеялись над ним. А Ваня Белов восхищался.

Почему же я их все-таки разлучила?

У Вани был свой характер. Не подчинявшийся... А я в те годы, не отдавая себе отчета, стремилась привести все сорок три характера своих учеников к общему знаменателю. И этим знаменателем была я сама.

О судьбах учеников мне хотелось знать все: кто родители, в каких условиях живут, как готовят уроки... Но оказалось, что познать характеры гораздо труднее, чем судьбы. И я освобождала себя от этого.

Я хотела, чтобы ученики послушно всему у меня учились. Ваня же сам мог если не научить, то уж во всяком случае проучить меня.

— Я загляну в операционную, — сказала мне сестра Маша.

Она снова вынула зеркальце, поправила прическу и пошла. Потом вернулась и сказала:

— Ничего... Иван Сергеевич улыбается. Все будет нормально!

И стала наливать валерьянку. Я протянула руку... Но она выпила валерьянку сама. «Как же она могла увидеть, что он улыбается? — подумала я. — Как она могла это увидеть? Ведь на лице у хирурга повязка. Как же она... Но там, рядом с моей внучкой, Ваня Белов! Значит, все и правда будет нормально... Я верю. Если Ваня Белов...»

Раньше он то и дело обрушивал на мою голову чрезвычайные происшествия. «Что будет, если все начнут ему следовать?» — со страхом думала я. Но следовать ему никто бы не смог: для этого нужен был его,

Ванин, характер.

Мой сын, археолог, всегда уверял, что влияние прошлого на настоящее и будущее колоссально.

"Из того, прошлого, Вани, который мог ради спасения Сени Голубкина пройти по карнизу третьего этажа, получился хирург, — думала я. —

Хирурги ведь тоже должны помогать всем, кто нуждается в них, — независимо от достоинств и качеств: и Голубкиным, и моей внучке".

Некоторые люди, знавшие меня в молодости, встретив потом, говорили: — Обломала тебя жизнь... Обломала!

А на самом деле жизнь доказала мне, что нельзя подавлять человека. И что добро каждый должен творить по-своему. И что третий в пятом ряду не должен быть похож на пятого в третьем ряду... И что вообще я, учительница, должна видеть не «ряды», а людей, которые стоят рядом... или вдали друг от друга. И что непохожесть характеров вряд ли стоит принимать за несовместимость...

Приобретение этого опыта, увы, стоило жертв, которые я не должна была приносить. Учитель, как и хирург, на ошибки вряд ли имеет право. Хотя нравственное нездоровье, быть может, и не приводит к физической смерти.

«Где твоя былая строгость, непримиримость?» — спрашивали меня иногда.

Не-при-ми-ри-мость... Это значит то, что находится «не при мире». Зачем же употреблять такое оружие в общении с друзьями? Да и вообще есть качества, которые, как скальпель хирурга, не годятся для будничного, повседневного употребления.

«Меня потрясает гнев человека, который гневается раз в году», — сказал кто-то из тех, чьи изречения стоит запоминать.

О непримиримости, я думаю, можно сказать то же самое.

«Хорошо было бы до конца усвоить все эти истины не сейчас, в шестьдесят третьем году, когда мне уже исполнилось шестьдесят три, — думала я, — а хотя бы тогда, в тридцать девятом, когда я совершила свой побег от Вани Белова... И когда мне тоже было, соответственно, тридцать девять».

Эти совпадения (опять совпадения!) всегда забавляли Володю.

— Мамочка, сколько тебе нынче лет? — спрашивал он. И как бы соображал на ходу: — Та-ак... На дворе у нас «год-отличник»: пятьдесят пятый.

Значит, и у тебя, мамочка, — две пятерки!

И в этом году он тоже шутливо напомнил мне, что цифра 63 в календаре совпадает с моей шестьдесят третьей весной.

Я улыбалась этим привычным шуткам. Но не так весело, как четверть века назад.

Ваня остался самим собой — и поэтому я верила, что моя внучка пойдет осенью в школу. Я верила в это.

"Вот для чего нужно было это сегодняшнее совпадение, — думала я. — Чтобы Ваня спас мою внучку. И чтоб я сказала ему, что все наконец поняла. Не сейчас, конечно, сказала... а потом. Сейчас я его просто буду благодарить, бесконечно благодарить..."

— Иван Сергеевич! — воскликнула Маша и, на бегу поправляя прическу, бросилась навстречу огромному мужчине, который выходил из операционной.

Он стянул с лица белую марлевую повязку и вытирал ею лоб.

Я не могла идти... Я схватилась за Машин столик. Ноги стали тяжелыми. Он сам подошел ко мне.

— Очнулась ваша царица.

«От чего?» — хотела спросить я. Но не спросила.

— Отчество-то ее не Петровна?

Я ничего не могла ответить. И заплакала. Он осторожно погладил меня:

— На свадьбу-то пригласите?

— Спасибо вам, доктор.

Он снова погладил меня откуда-то сверху. Пальцы у него были длинные, крепкие. Со лба на щеки и нос, покрытый веснушками, стекал пот.

Про все я успела спросить у Маши. Про все... А о росте забыла.

Ваня-то был невысокий...

5

Иван Сергеевич попросил меня «не настаивать» на немедленной встрече с Елизаветой.

— Она примет вас завтра, — пообещал он. — Или послезавтра. Сейчас ей нельзя разговаривать.

На круглых часах над дверью операционной было семь минут третьего.

Я поняла, наконец, что часы стоят.

Сестра Маша проводила меня до конца коридора.

— Повезло вам, что Белов оказался здесь. Он редко дежурит. И операция редкая. Несложная, конечно... Но аллергический шок получился.

— Что... это?

— Совсем было плохо. Теперь уж я вам признаюсь.

Она все время склонялась ко мне, обнимала за плечи. Длинные серьги еле слышно позванивали.

— Я до утра присмотрю за ней. — Мы дошли до конца коридора. — Иван Сергеевич перед операцией, чтобы проверить, как она там, спросил: «И как же тебя зовут?» А она отвечает: «Елизаветой».

— Так ее и зовите, — попросила я. — А то еще не откликнется...

Значит, это были не практиканты?

Она не ответила.

Я стала спускаться вниз.

"Много людей прошло через мою жизнь, — думала я. — А эти двое останутся со мной навсегда: Иван Сергеевич, Маша... И Ваня Белов. Он тоже был рядом. А отца-то его звали Андреем... Андреем, а не Сергеем.

Как же я забыла? Такой милый, застенчивый человек. Все время предлагал снять пальто. А я говорила, что пришла на минутку. Мама Ванина, тоже милая и застенчивая, смотрела на мужа с укором и говорила: "Что же ты,

Андрюша, не предложишь раздеться?" Тогда он снова просил меня снять пальто".

Тут я увидела Алену. Она сидела на длинной скамье возле больницы.

Моросил нудный дождик.

— Ну что?! Вера Матвеевна...

Я не выдержала. Опять стала плакать. Она вытирала со щек мои слезы и капли дождя. Не платком, а теплыми, мягкими пальцами. Наверно, так она утешала своих малышей.

— Очнулась уже. Очнулась... — сквозь слезы сказала я. — Нам повезло.

Дежурил Белов! Сказал, что придет на свадьбу. А почему вы... на улице?

— То войду в вестибюль, то выйду. Не могла на одном месте... Я виновата, Вера Матвеевна!

— Не вздумайте повторить это в детском саду! — встрепелась я. И перестала плакать. — Вы обязаны быть педагогом, но не провидцем. Я сама должна была предупредить.

— Вы и предупредили, — мягко, но упрямо возразила она.

— Врача... Но не вас!

— А я должна была узнать у врача. Про всех все узнать!

— Вот теперь и узнаете. Опыт требует жертв... Вы мне поверьте.

— Но не таких!

— Если б мы знали, где упадем... подстелили б соломку. Это старая истина. Вот вспомнилось мне сегодня...

Нет, я не собиралась учить Алену на своем горестном опыте. Просто я хотела этим опытом утешить ее. И начала рассказывать про мужа, про Володю, про Ваню Белова.

Мужчины оглядывались на нас. Я стала говорить тише. А они продолжали оглядываться.

Вернувшись домой, я написала письмо Володе и Клаве. Телеграмму посылать я не стала. Да и в письме обо всем рассказала очень спокойно, умолчав о смертельной опасности, которая грозила нам всем. Я давно сделала для себя правилом: не заставляю других переживать то, что я могу пережить сама... Тем более, когда речь шла о буре, которая уже пронеслась.

Стараясь поменьше писать о болезни Елизаветы, я сосредоточила внимание на Ване Белове.

"Да, была не права, — писала я сыну. — Но как и ты мог забыть о нем?

Хоть мы и уехали на другой конец города!.."

В ответ на письмо прилетела Клава.

Она подробно рассказала, как Володя переживал весть о болезни

Елизаветы. И мои упреки по поводу Вани Белова... О своих переживаниях

Клава не говорила, поскольку мне было ясно, что она, как всегда, разделяла Володины чувства. К этому я привыкла.

Услышав о какой-нибудь неприятности, Клава сразу начинала искать глазами Володю. Даже если он был в другом городе... «Не пора ли мужчиною стать?» — спрашивала я прежде у сына. Клава беззащитность заставляла его стать защитником, а значит, мужчиной. .

«Мы с Володей...» — так чаще всего начинала она. Если же говорила, к примеру: «Володя очень устал и мечтает о юге!», я понимала, что и она тоже нуждается в отдыхе. Она не умела уставать, мечтать и волноваться одна... без участия мужа.

С годами она даже стала еле заметно припадать на правую ногу. Потому что так ходил он...

Иногда мне казалось, что мой сын более дорог ей, чем моя внучка. И как ни странно, меня это радовало... Внучка, ее жизнь, ее будущее были теперь главной и наверняка последней целью моей жизни.

В тот час, когда эта главная цель была в смертельной опасности, ко мне пришел Ваня Белов. И не только потому, что его имя и фамилия совпали с именем и фамилией хирурга. А и потому, что он был рожден приходить к людям в такие именно часы и минуты.

Клава все-таки заставила меня поведать о некоторых подробностях болезни и операции.

Она обернулась, как бы ища Володю... Но его не было, и тогда она разрыдалась у меня на плече.

— Что могло быть? Что могло быть?! — шептала она. Я попросила ее:

— Не надо пересказывать Володе все, что уже миновало... А то и он прилетит!

Она пообещала и помчалась в больницу.

А я распечатала Володино письмо, которое она привезла.

Письмо было длинное. Он волновался об Елизавете. А дальше писал: "И я, мама, вспомнил о Ване. Все вспомнил! Даже то, чего ты не знаешь. Ваня просил меня никогда не раскрывать эту тайну. Но прошло больше двадцати лет... И сейчас, за давностью срока, можно сознаться. Математичку-то запер я! Это получилось как-то само собой. Я заглянул тогда в щелку..."

Вижу, она перед зеркалом прихорашивается, а больше никого нет. Просто не понимаю, честное слово, как моя рука повернула ключ. Очень я математики, наверно, боялся. Потом Ваня стал убеждать меня: «Ты — сын классной руководительницы и запираешь учителей не имеешь права!» Я поверил ему. А после, честное слово, терзался. Поэтому, может быть, и звонить ему перестал. Ну, а потом уж мы переехали... Когда я вернусь, мы обязательно найдем его!"

Значит, Ваня снова принял на себя чужую вину?

Я была уверена: он поступил так вовсе не потому, что решил сделать самопожертвование как бы своей профессией. Сеньке грозило второгодничество, а мне (именно мне!) позор на всю школу, — и он, как хирург, должен был не раздумывать, а спасать. Он, которого я считала своим злым гением...

Но почему же в тот раз, когда речь шла о Голубкине, я не дала себя обмануть: я знала, что Ваня заслонил Сеньку собой. А тут я поверила...

Хотя всем было известно, что Ваня Белов — математик и ему незачем было запиравать Ирину Григорьевну. Сперва Володя позволил себя убедить... А потом и я тоже. Неужели человек стремится все на свете осознавать с позиций своих интересов? Да нет... Ваня Белов это опровергает.

Я не стану ждать возвращения сына. Я сама найду Ваню. Сама!..

6

Переулочек, где когда-то учились Володя и Ваня, трудно было узнать.

Новые дома молодцевато поглядывали на невысокие старые здания. Мне казалось, что я пришла в семью, некогда мне очень близкую, с которой я не виделась десятилетия и в которой все изменилось: дети выросли,

появились внуки, и лишь самые старые члены семейства напоминали о былом.

Но они-то и были мне дороги...

Таким старым членом семейства показался мне Ванин дом, что стоял прямо напротив школы, через дорогу. Он сохранился, к счастью. Мимо него шли с уроков ребята. Мальчишки, как во все времена, проявляли храбрость и остроумие, а девочки делали вид, что этого не замечают.

Беловы жили на первом этаже. Я хорошо помнила.

Вместе со мной в парадное вошла девочка и направилась к той самой квартире. Она была светловолосой, на ее носу и щеках тоже были рассыпаны приметы наступавшей весны.

«Неужели это Ванина дочка? — подумала я. — Ей лет тринадцать или четырнадцать. Вполне может быть!»

— Ты не Белова? — спросила я.

— Белова?

Она рассмеялась. В ее возрасте девочки очень смешливы... И что именно рассмешит их — трудно предугадать.

— Беловы отсюда уехали. Очень давно... Я их даже не помню.

— В другой город? — спросила я, потому что боялась этого.

— Не-ет... Просто в другое место. — Она открыла дверь своим ключом. — У мамы записан их адрес. Мама сейчас на работе, но я посмотрю. Кажется, он в записной книжке.

Девочка была деловитой и не чересчур многословной. Она не стала расспрашивать, кем я прихожусь Беловым и почему их ищу. Молча перелистала записную книжку, лежавшую на столике у телефона. Сказала самой себе:

— Ну вот... Я же знала!

Потом переписала адрес. И протянула мне.

Я схватила листок... Она опять засмеялась. Наверно, от удивления.

— Спасибо тебе, — сказала я, успев разглядеть, что Беловы живут в районе Филей. — Спасибо!

Я не вышла, а выбежала на улицу, держа адрес в руке. Теперь, когда я знала, что Ваня в Москве, знала, где он живет, мне не терпелось скорей, как можно скорей увидеть его...

Можно было ехать на автобусе или в метро. Но я схватила такси. И стала по дороге рассказывать шоферу, что вот через столько лет нашла прекрасного человека. Таксисты целые дни вслушиваются в чужие истории — и оттого становятся либо равнодушными, ко всему на свете привыкшими, либо восприимчивыми и чуткими. Этот сразу же стал вспоминать подобные случаи и каждым движением показывал, что очень хочет ускорить мою встречу с Ваней.

«Конечно, в такое время и Ваня может быть на работе, — думала я. — Но тогда старики дома. И я посижу с ними... Подожду. Если они живы-здоровы».

Старики были живы.

Только встреча с людьми, которых мы не видели много лет, дает нам понять, что же такое время. Встречаясь повседневно, мы не замечаем,

не чувствуем перемен, которые оно, время, накладывает на лица, на характеры, на походку.

Старики Беловы были уже действительно стариками. Годы сгорбили их, иссушили их лица.

Увидев это, я взглянула на себя в зеркало, висевшее возле вешалки.

Тем более, что они не сразу меня узнали.

Ванин отец, как и тогда, стал просить, чтобы я сняла плащ.

— Вот съехались с родственниками, — объяснила мне Ванина мама. — С братом Андрюшиным...

— Простите, что я не заходила к вам столько лет... А Ваня-то как? Где он?

Они провели меня в комнату.

В самом уютном месте стоял тот же стол, словно Ваня был по-прежнему школьником. А над ним висела та же самая фотография, где он был третьим в пятом ряду. Висела еще одна фотография Вани... Только расписания уроков не было: их сын все же вырос.

— Ну, как он? — снова спросила я.

Ванина мама подошла к столу, выдвинула ящик и протянула мне небольшой листок. Бумага была серая и шершавая.

Там было написано, что 27 апреля 1945 года их сын, Иван Андреевич Белов, пал смертью храбрых в боях за город Пенцлау.

Я никогда не слышала о таком городе...